

УДК 930.85

DOI: 10.17223/19988613/55/2

Н.С. Жиртуева

РОЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР РУСИ И ВИЗАНТИИ

Целью статьи является анализ роли средневековой Таврики в диалоге культур Руси и Византии. В истории взаимоотношений Византии и Таврики можно выделить два этапа. На первом этапе, в IV–VII вв., христианство было представлено «двоеверием» Херсонеса, а аскетический исихазм не получил распространения. На втором этапе, в VIII–XII вв., культурное взаимодействие осуществлялось по двум основным направлениям. Во-первых, «пещерные монастыри» Таврики стали связующим звеном между византийским и древнерусским монашеством в распространении идей исихазма. Во-вторых, христианство Херсонеса, являвшееся синтезом язычества, арианства и кирилло-мефодиевской традиции, повлияло на становление христианства Руси.

Ключевые слова: Таврика; Русь; Византия; Херсонес Таврический; пещерные монастыри; исихазм.

Полуострову Крым историей было предопределено стать местом, где пересеклись судьбы самых различных народов и культур. Темой исследования в данной статье является роль средневекового Крыма, или Таврики, в диалоге культур Византии и Руси. Этот вопрос еще не был в полной мере освещен в исследовательской литературе, хотя некоторые аспекты проблемы рассматривались в работах А.С. Глушака и Е.К. Дулумана, О.И. Домбровского, В.М. Зубаря, Т.М. Фадеевой, А.Л. Якобсона и др.

После крушения Римской империи Таврика оказалась в сфере влияния ее наследницы Византии. В византийских и итальянских источниках средневековую Таврику называют также Готией. Прокопий Кесарийский именует готами представителей охристианизированной варварской знати из местных, союзных Византии племен [1. С. 221]. Готы получили статус воинской аристократии, активно привлекаемой к военной службе. В IV в. Святое Писание было переведено на готский язык, что способствовало выделению из числа готов ряда епископов.

Со временем усиления византийского владычества в Таврике связана также история возвышения княжества Феодоро. Первоначально оно упоминалось как страна Дори, а ее центр назывался Дорос (с X в. Мангуп). Тем не менее название Готия «имело отнюдь не этническое, а исключительно географическое значение, обозначая собой территорию Юго-Западного Крыма и его южное побережье» [Там же. С. 145]. Грандиозное крепостное строительство, которое началось в стране Дори, свидетельствует о том, что Византия была заинтересована в сохранении своего влияния в этой части Таврики. Были построены крепости на плато Чуфут-Кале и в Каламите, а также укрепления на южном берегу Крыма – Алустан и Гурзувиты. Сооружение крепостей велось в соответствии с византийским фортификационным искусством того времени [2. С. 45; 3. С. 74, 89]. Особое значение Византия придавала Херсонесу Таврическому и Боспору. На них возлагались большие надежды в политике насильственной христианизации в Северном Причерноморье [4. С. 70]. Уже в V в. была создана Херсонская епархия.

Влияние Византии нашло отражение в архитектуре Херсонеса. Типичными для него были многочисленные христианские храмы-базилики, купольные крещальни и мавзолеи. От античности город унаследовал правильную планировку с прямоугольными кварталами и прямыми узкими улицами. Храмы украшались внутри мозаиками и фресками, из мрамора делались полы и колонны. Все мраморные детали для базилик привозились в Херсонес в готовом виде с острова Проконнес в Мраморном море. В V–VII вв. Херсонес становится культурным лидером Таврики. Из отдаленного и крайнего пункта империи он превращается в город, играющий большое значение в византийской политике. Стратегическое положение Херсонеса определялось его соседством с миром «варваров», который не раз становился поводом для тревог империи. С V в. начинается строительство его крепостных стен [5. С. 17–18; 6. С. 18–24].

Как подчеркивают А.С. Глушак, Е.К. Дулман, В.М. Зубарь и А.Л. Якобсон, утверждение новой веры в самом Херсонесе происходило очень медленно, что объясняется устойчивостью языческих традиций в городе. С конца V в. в культуре Херсонеса начинается активный диалог христианства и античного язычества, что дает основание сопоставить этот процесс с аналогичным процессом, проходившим в то же время в самой Византии, с той лишь разницей, что в Херсонесе язычество оказалось сильнее. Приобщение язычников к христианству во многом начиналось со знакомства и принятия в свой пантеон христианских святых. «Двоеверие» сохранялось в Херсонесе вплоть до XIII в. [4. С. 70; 6. С. 12; 7. С. 35–40].

Город и большая часть полуострова долго оставались верны своим языческим традициям. Христианство было принято в основном представителями социальной верхушки, о чем говорят богатые некрополи в самом Херсонесе и на Боспоре. Основная же масса населения Таврики оставалась языческой, и это язычество было не только древнегреческим, но и «варварским» (скифо-сарматским). В том, что Гурзувиты были по своему этническому составу не греческим городом, убеждает

состав могильника Суук-су, который преимущественно содержит предметы неэллинистической культуры. В VI–VII вв. для Юго-Западной Таврики характерны были типы погребений, имевшие гото-аланское или тавро-скифо-аланское происхождение [8. С. 154].

Среди негреческого населения полуострова были широко распространены ювелирные изделия, в которых применялась инкрустация драгоценными камнями или цветными стеклами. Возникший «полихромный» стиль соединил традиции эллинистического и греко-сарматского искусства. Изделия в этом стиле широко представлены в некрополях Боспора и Гурзувитов. Однако их очень редко можно встретить в некрополях самого Херсонеса, где их отвергали как «варварское» искусство [6. С. 17].

Таким образом, в IV–VII вв., несмотря на основание Херсонской епархии, влияние христианства в Таврике (Готии) было очень незначительным, даже в пределах самого Херсонеса. Чем дальше от города, тем византийское влияние становилось все более слабым. Оно и не могло быть сильным, потому что Херсонес сознательно противопоставлял себя всей остальной Таврике. Христианство этого периода было представлено «двоеверием» Херсонеса, в котором языческий элемент значительно преобладал над христианским. Аскетическое монашеское христианство (или исихазм) не получило распространения на этом этапе истории полуострова.

Ситуация на полуострове существенно изменилась в VIII в., что было связано с иконоборческой политикой византийских императоров-исавров. Император Лев III Исавр издал в 730 г. эдикт против почитания икон, а император Константин V созвал в 754 г. церковный собор, осудивший иконопочитание как идолопоклонство. Подоплекой этих событий было стремление имперской власти подорвать экономическое могущество церкви, лишив ее земельных владений и богатств.

Следствием иконоборческой политики явилась массовая миграция греческого монашества на окраины империи. Эти события нашли отражение в двух «Житиях» – Стефана Нового и Иоанна Готского. В «Житии Стефана Нового» говорится, что монахи-иконопочитатели, «жители пещер и обитатели гор», устремились к святому, ища совета и утешения. Стефан советовал им искать спасения на окраинах империи, куда не достигало влияние иконоборчества. Как наиболее благоприятные были названы северные берега Понта Эвксинского, Боспор, Херсон, Готия, затем – Южная Италия, Малая Азия [1. С. 39].

Так Таврика превратилась в оплот иконопочитателей и гнездо оппозиционных настроений вплоть до победы иконопочитателей на VII Вселенском соборе в 787 г. Недовольные имперской политикой и налоговыми поборами жители Херсонеса отрицательно восприняли новую религиозную политику василевсов. Херсонес постепенно становится местом ссылки опальных вельмож. Но еще более значительную роль в поддержке монашества сыграла Крымская Готия – защищенная «длинными стенами» полоса Южного бережья.

Согласно «Жития Иоанна Готского» в 754 году некий епископ Готии из угождения императору Константину Копрониму подписал определения иконоборческого собора. Поэтому православные Готии, «не принимая участия в новшествах незаконного собрания», предложили в пастыри Иоанна, уроженца Партенита. Приблизительно в 780 г. Иоанн был в Константинополе, где беседовал с императрицей Ириной, поддерживавшей иконопочитателей, и «говорил всем со свободой и дерзновением о принятии святых икон». Вернувшись, Иоанн застал свою страну занятой хазарами, включая крепость Дорос. Договорившись с князем Готии, он вместе со своим народом в 787 г. поднял восстание, выгнал вооруженных хазар из города и даже занял горные проходы. Каган подавил восстание, заключил Иоанна под стражу, откуда тот бежал в Амастриду – город на южном берегу Черного моря. Когда Иоанн скончался, его останки были с почетом переправлены на родину, в Партенит, и погребены в монастыре Святых Апостолов: «Монастырь этот преподобный снабдил всяким благолепием зданий и святых сосудов и различных книг и поместил в нем множество монахов» [Там же. С. 39].

Другой крымский святой иконопочитатель Стефан Сурожский, родом из Каппадокии, учившийся в Константинополе, в 724 г. был поставлен в епископы Сурожа, где обратил в православие много язычников и еретиков. Получив указ об истреблении икон, Стефан отправился в Константинополь, где за ревностную защиту икон был подвергнут мучениям и заточен на много лет в темницу, откуда освобожден уже новым императором. Скончался он в 742 г. и был погребен в Суроже, в храме Святой Софии.

Именно с греческими переселенцами-иконопочитателями связано появление в Таврике наземных и так называемых «пещерных монастырей». Они возникают как на Южном берегу, так и во внутренней горной части края – Чилтер, Шулдан, Инкерман, Партенит, Качикальон [1. С. 40; 9. С. 11]. Интересна конструкция «пещерных монастырей», которые, как правило, имеют подземные дополнения к основной надземной постройке, обычно не сохранившейся.

Монастыри полуострова по форме близки тем, которые строились в то же время в Италии и на Сицилии, что объясняется не только сходством природных условий, но и общностью мировоззрения греков-эмигрантов [10. Р. 34]. Пещерножительство в восточном христианстве имеет древние корни, являясь ранней формой исихазма. «Отцом» монашеского аскетизма на христианском Востоке считается Антоний Великий, а дальнейшее его развитие связано с Макарием Египетским, Исааком Сириним, Иоанном Лествичником и др. Они создали учение о монашестве как высшей форме духовной жизни, которая начинается с «обращения», или усилия воли, направленной к Богу, а далее требует отказа от «мира». Необходимыми условиями монашеской жизни аскеты считали молитву, нестяжательство, борьбу со страстями и пост. Ранний исихазм был преимущественно

направлен на индивидуальное самосовершенствование и представлен египетской и палестинской школами монашества, отличие между которыми заключалось в разном понимании любви. Если в египетской школе любовь понималась как полная отдача Богу, то в палестинской школе любовь направляли на весь «тварный» мир, стремясь уподобиться нравственному идеалу Христа [11. С. 53]. Египетская школа призывала к отшельничеству, в котором ничто не могло препятствовать служению Богу, а пещерничество создавало для этого самые благоприятные условия. Греческие монахи-иконопочитатели сознательно выбирали в Таврике места, пригодные для воссоздания египетской «Фиваиды».

Большой авторитет среди монашества приобрел Успенский монастырь (Чуфут-кале). Расположенный в горной местности, он более всех других напоминал «святую гору» Афон. Монастырь находился в постоянном духовном общении с монастырем в Сумеле, недалеко от Трапезунда. Согласно преданию именно оттуда была перенесена на Успенскую гору чудотворная икона Богоматери – Одигитрия, с которой связано много чудес [1. С. 115]. В VIII в. был восстановлен большой монастырь Апостолов в Партенитах.

Как утверждают многие исследователи, важным следствием миграции греческих монахов-иконопочитателей и ссылки опальных вельмож явилось укрепление позиций православия на полуострове [2. С. 156; 7. С. 41–43; 4. С. 80; 6. С. 34; 9. С. 11]. Монастыри столь активно насаждали христианство, что уже к середине VIII в. в Таврике были учреждены новые епархии – Готская и Сугдейская. Как отмечает И.А. Баранов, на полуострове произошло утверждение православия в его самой ортодоксальной форме. Интенсивная монашеская жизнь явилась толчком к изменению всей экономической, социальной и политической ситуации на полуострове [8. С. 153, 156].

Интересно, что близ монастырей, в юго-западной части полуострова, распространяются плитовые могилы. Подобные захоронения восходят к античным образцам, но особенно широко они были распространены в VIII–IX вв. в районах с сильным влиянием греко-византийской культуры – на Балканах и в Таврике. Но в самом Херсонесе плитовых захоронений не обнаружено. Там сохранялись погребения преимущественно по языческому обряду [8. С. 154; 12. С. 118–119]. Даже базилики Херсонеса по-прежнему продолжали украшаться мозаикой с античными языческими сюжетами. В городе были широко распространены белоглиняные поливные блюда с рельефами, сюжеты которых часто имели также языческие корни. Все это является свидетельством того, что ортодоксальная форма христианства не затронула город, остававшийся верным античным традициям.

Перемены в жизни Херсонеса связаны с просветительской деятельностью святых братьев Кирилла и Мефодия, которые принесли в город идеи неортодоксального православия. Известно, что Мефодий некоторое время сотрудничал с неортодоксальными общинами

Подунавья, в частности с арианами. Корсунская миссия Кирилла составляет важную часть его биографии [13. С. 16].

Иллюстрацией перемен, произошедших в жизни полуострова, является его архитектура. Так, например, главный храм готской епархии в Партенитах (VIII в.), базилика на плато Тепсень (IX в.) и ряд полупещерных монастырей в юго-западном регионе (Каламита, Тепе-Кермен) воспроизводят форму ранней византийской базилики. Однако с конца IX в. в Таврике распространяется крестовокупольный тип храма. Причем архитектура Херсонеса становится провинциальной ветвью византийского зодчества, которая в то время была распространена в Малой Азии и на Балканах. Для нее характерен простой вариант крестово-купольного храма, лишенный изысканной отделки фасада декоративным оформлением [5. С. 19; 14. С. 76].

Постепенно античный натурализм херсонских мозаик вытесняется символическими изображениями. В Херсонесе появляются индивидуальные молельни, которые обычно строились во дворах жилых усадеб богатых горожан. Таврика IX–XII вв. оказалась под влиянием византийского «спиритуалистического» стиля в искусстве, но в его провинциальной форме.

После завоевания Херсонеса (Корсуна) киевским князем Владимиром Херсонес начинает играть важную роль в процессе распространения христианства на Руси. Первая христианская традиция, которая пришла на Русь, была корсунской. Из корсунян была составлена первая христианская парafia, центром которой стала Десятинная церковь. Во времена Владимира эта церковь являлась центром христианства, а ее настоятель Анастас Корсунин фактически возглавлял церковную организацию.

Однако корсунское христианство не может быть отождествлено с византийским. В Херсонесе пользовались другим летоисчислением, что оказало влияние на понимание всемирной истории, отличное от византийского. В Херсонесе почитались западные святые Мартин и Климент, практически игнорируемые в Византии. Сюда, на окраину, высылали поверженных политиков и еретиков, что со временем породило широкую веротерпимость [15. С. 58–64]. Интересен тот факт, что после похода Владимира из Херсонеса были вывезены некоторые ценности, включая мощи святого Климента и его учеников. Святой Климент, ученик апостола Петра и четвертый папа римский, был причислен к лику святых как один из первых христианских мучеников, сосланный в Корсунь и погибший там (ок. 101 г.). О Клименте, конечно, знали во всем христианском мире, но особенно он почитался в Риме и Корсунь. Его почитали также Кирилл и Мефодий, стремившиеся прикоснуться к мощам во время своей миссии. В дальнейшем эта традиция была поддержана Десятинной церковью. Традиция Десятинной церкви оказала существенное влияние на мировоззрение митрополита Илариона. Она также была отражена в «Повести временных лет», которая в XI в. составлялась клиром этой церкви [13. С. 15–22].

Искусство Таврики IX–XII вв. оказало влияние на искусство Киевской Руси, в котором был воспринят не сложный константинопольский вариант зодчества, а провинциальный. Конструкция Десятинной церкви в Киеве во многом воспроизводила тот тип храмов, которые строились в Болгарии и Херсонесе, с удлиненной западной частью, состоявшей из нартекса и экзонартекса. Примечательно, что, как полагает Г.К. Вагнер, в Десятинной церкви «впервые проявился интерес к скульптуре, и притом не византийского, а явно романского характера» [16. С. 32].

Можно согласиться с выводом, который сделал А.Г. Кузьмин: «Десятинная церковь в XI столетии оказывается притягательным центром мощного идейного течения, противостоящего византийской ортодоксии. Ратуя за полную самостоятельность русской церкви и непосредственную связь русского христианства с учением святых отцов, клирики Десятинной церкви в то же время постоянно питались сочинениями и идеями, приходившими из славянских стран, прежде всего тех областей, где более и долее всего сохранялось влияние кирилло-мефодиевской традиции» [15. С. 65]. В целом на Руси сформировался «русский», или «киеворусский», вариант христианства, для которого была характерна нравственная направленность [17. С. 44; 18. С. 1247].

Совершенно противоположным по своей идейной направленности было христианство «пещерных монастырей». Ориентированное на православное аскетическое учение, оно способствовало трансляции идей исихазма в ментальность Руси. Но языческие традиции были настолько сильны в Киеве, так же как и в Херсонесе, что распространение исихазма было возможным только в монашеской культуре. Вплоть до середины XI в. во многих «медвежьих» углах Киевской Руси существовало

даже не христианство, а язычество в чистом виде [19. С. 209]. Как известно, святой Антоний, принявший пострижение на Афоне, в дальнейшем стал основателем Киево-Печерской лавры. В дальнейшем он отказался от поста игумена, предпочитая отшельничество. Игуменом лавры стал ученик Антония – святой Феодосий, который обнаружил одновременно тяготение и к аскетизму, и к практической деятельности на благо монастыря. Именно Феодосий был инициатором введения в монастыре сурового Студийского устава и принципа общежития (киновия). Устав требовал от черноризца полного отречения от всякой собственности, безоговорочного подчинения игумену, строжайшей дисциплины и участия в физическом труде. В Печерской обители уставу следовали еще более последовательно, чем в самой Византии. Феодосий всегда подавал пример самой суровой аскезы [20. С. 846–847].

Таким образом, Таврика в IV–XII вв. оказалась включенной в сферу влияния Византийской империи, что привело к распространению на полуострове христианства. На втором этапе взаимоотношений Византии и Таврики, в VIII–XII вв., Таврике было суждено сыграть роль «культурного моста» между Византией и Русью на протяжении трех столетий, особенно в корсунский период русско-византийских отношений [21. С. 202]. Культурное взаимодействие осуществлялось по двум основным направлениям. С одной стороны, «пещерные монастыри» Таврики стали связующим звеном между византийским и древнерусским (киево-печерским) монашеством в распространении идей исихазма. С другой стороны, христианство Херсонеса, являвшееся синтезом язычества, арианства и кирилло-мефодиевской традиции, сыграло решающую роль в становлении христианства Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фадеева Т.М. Тайны горного Крыма. Симферополь : Бизнес-Информ, 1998. 256 с.
2. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского южного бережья // Феодальная Таврика : материалы из истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев : Наукова думка, 1974. С. 5–56.
3. Пиоро И.С. Крымская Готия: очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье Киев : Лыбидь, 1990. 198 с.
4. Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев : Наукова думка, 1988. 230 с.
5. Асеев Ю.С. Архитектура Крыма. Киев : Госстройиздат УССР, 1961. 239 с.
6. Якобсон А.Л. Крым в средние века. Л.–М. : Наука, 1973. 173 с.
7. Дулуман Е.К., Глушак А.С. Введение христианства на Руси : легенды, события, факты. Симферополь : Таврия, 1988. 184 с.
8. Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика : материалы из истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев : Наукова думка, 1974. С. 151–162.
9. Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Симферополь : Таврия, 1989. 103 с.
10. Amar J.P. Byzantine ascetic monachism and Greek Bias in the Vita tradition of Ephrem the Syrian // Oriental christiana period. Roma. 1992. Vol. 58, fasc. 1. P. 123–156.
11. Жиртуева Н.С. Православный исихазм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 52–62.
12. Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья : сб. науч. тр. / под ред. В. Д. Барана. Киев : Наукова думка, 1979. С. 116–129.
13. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII в. Дороги человеческой мысли / авт.-сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М. : Мол. гвардия, 1990. 303 с.
14. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л. : Наука, 1987. 233 с.
15. Кузьмин А.Г. Падение Перуна : (становление христианства на Руси). М. : Мол. гвардия, 1988. 240 с.
16. Вагнер Г.К. Искусство Древней Руси. М. : Искусство, 1993. 255 с.
17. Наумова Н.В., Глушак А.С. Крещение Руси: исторический дискурс // Парадигмы истории и общественного развития : сб. науч. тр. Севастополь, 2016. Вып. 4. С. 43–49.
18. Наумова Н.В., Глушак А.С. Славянская духовность в контексте восточных и западных мировоззренческих парадигм // Философия и культура. 2016. № 9. С. 1245–1252. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.9.17081.
19. Козлов М.Н. Поздние язычники Древней Руси // GENESIS : исторические исследования. 2016. № 5. С. 205–215. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.1933. URL: http://e-notabene.ru/hr/contents_2016_5.html

20. Жиртуева Н.С. Модификации византийского исихазма в культуре Киевской Руси, Московской Руси и Крыма // *Философия и культура*. 2015. № 6. С. 843–852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070. URL: http://www.nbpublish.com/fkmag/contents_2015_6.html
21. Колесов М.С. Крым в контексте мировой культуры // *Берега Тавриды*. 1994. № 6. С. 190–214.

Zhirtueva Natalia S. Sevastopol State University (Sevastopol, Russia). E-mail: zhr_nata@bk.ru

THE ROLE OF MEDIEVAL TAVRICA IN THE OF CULTURE'S DIALOGUE OF RUS AND BYZANTIUM

Keywords: Tavrca; Rus; Byzantium; Chersonesus of Taurida; “cave monasteries”; hesychasm.

The aim of this article is the analysis of the role of medieval Tavrca in the of culture's dialogue of Rus and Byzantium. This problem has not been fully covered in the research literature yet. The author refers to the works of researchers such as A. Glushak, E. Duluman, O. Dombrovsky, V. Zubar, T. Fadeeva, A. Yakobson, and others.

The source base consists of archaeological research and hagiographic literature. The methodology of the study is comparative religious analysis. The main research methods used in the article are comparative-historical, analysis, synthesis, generalization, individualization and historical narrative.

The following tasks are envisaged in order to achieve the goal of article. Firstly, the results of interaction between the Byzantine and Tavrca cultures are analyzed at the first stage of their mutual relations. As a result of performed study we infer, that in the 4th-7th centuries, Tavrca was in the sphere of Byzantine influence, which led to the spread of Christianity on the peninsula. However, despite the foundation of the Cherson diocese, the influence of Christianity in Tavrca was very small. The bulk of peninsula's population remained pagan, and this paganism was not only ancient Greek, but also “barbarian” (scythian-sarmatian). The pagan element in this dialogue clearly prevails. The Christianity of Tavrca of 4th-7th centuries was represented by the “duality” of Chersonesus, which was preserved until the 13th century. The ascetic monastic Christianity (or hesychasm) did not spread at this stage of the history of the peninsula.

Moreover, the results of interaction between Byzantium and Tavrca cultures are analyzed at the second stage of their mutual relations. The research gives all the reasons to claim that the situation on the peninsula changed significantly in the 8th century, when Tavrca turned into a stronghold of icon-worshippers. In the second stage of the relations between Byzantium and Tavrca, in the 8th-12th centuries, Tavrca was destined to play the role of a “cultural bridge” between Byzantium and Rus. Cultural interaction was carried out in two main directions. On the one hand, the “cave monasteries” of Tavrca became a link between Byzantine and Old Russian (Kiev-Pechersk) monasticism in spreading the ideas of hesychasm. And, on the other hand, the Christianity of Chersonesus, which was a synthesis of paganism, Arianism and Cyril and Methodius tradition, played a decisive role in the development of Christianity in Russia.

REFERENCES

1. Fadeeva, T.M. (1998) *Tayny gornogo Kryma* [Secrets of the Mountainous Crimea]. Simferopol: Biznes-Inform.
2. Dombrovskiy, O.I. (1974) Srednevekovye poseleniya i “isary” Krymskogo yuzhnoberezh'ya [Medieval settlements and “isary” of the Crimean South Coast]. In: Bibikov, S.N. (ed.) *Feodal'naya Tavrika: materialy iz istorii i arkhologii Kryma* [Feudal Tavrika: materials from the history and archeology of the Crimea]. Kiev: Naukova dumka.
3. Pioro, I.S. (1990) *Krymskaya Gotiya: ocherki etnicheskoy istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskiy period i rannee srednevekov'e* [Crimean Gothia: sketches of the ethnic history of the Crimean population in the late Roman period and the early Middle Ages] Kiev: Lybid'.
4. Zubar, V.M. & Pavlenko, Yu.V. (1988) *Khersones Tavricheskii i rasprostraneniye khristianstva na Rusi* [Tauric Chersonese and the spread of Christianity in Russia]. Kiev: Naukova dumka.
5. Aseev, Yu.S. (1961) *Arkhitektura Kryma* [Architecture of Crimea]. Kiev: Gosstroyizdat USSR.
6. Yakobson, A.L. (1973) *Krym v srednie veka* [Crimea in the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
7. Duluman, E.K. & Glushak, A.S. (1988) *Vvedeniye khristianstva na Rusi: legendy, sobytiya, fakty* [Introduction of Christianity in Russia: legends, events, facts]. Simferopol: Tavriya.
8. Baranov, I.A. (1974) O vosstanii Ioanna Gotskogo [About the uprising of John of Gothia]. In: Bibikov, S.N. (ed.) *Feodal'naya Tavrika: materialy iz istorii i arkhologii Kryma* [Feudal Tavrika: materials from the history and archeology of the Crimea]. Kiev: Naukova dumka.
9. Gertsen, A.G. & Makhneva, O.A. (1989) *Peshchernye goroda Kryma* [Cave cities of Crimea]. Simferopol: Tavriya.
10. Amar, J.P. (1992) Byzantine ascetic monachism and Greek Bias in the Vita tradition of Ephrem the Syrian. *Oriental Christiana Period*. 58. pp. 123 – 156.
11. Zhirtueva, N.S. (2017) Pravoslavnyy isikhazm v kontekste komparativnogo analiza filosofsko-misticheskikh traditsiy mira [Orthodox Hesychasm in the context of a comparative analysis of the philosophical and mystical traditions of the world]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 52–62.
12. Orlov, R.S. (1979) Iz istorii sel'skogo naseleniya Kerchenskogo poluoostrova v XII - XIV vv [From the history of the rural population of the Kerch Peninsula in the 12th – 14th centuries]. In: Bran, V.D. (ed.) *Pamyatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ya* [Monuments of ancient cultures of the Northern Black Sea Region]. Kiev: Naukova dumka. pp. 116–129.
13. Kuzmin, A.G. & Karpov, A.Yu. (eds) (1990) *Zlatostruy. Drevnyaya Rus'. X-XIII v. Dorogi chelovecheskoy mysli* [Ancient Russia. The 10th – 13th century. Roads of human thought]. Moscow: Molodaya gvardiya.
14. Yakobson, A.L. (1987) *Zakonomernosti v razvitiye srednevekovoy arkitektury IX-XV vv* [Regularities in the development of medieval architecture of the 9th–15th centuries]. Leningrad: Nauka.
15. Kuzmin, A.G. (1988) *Padeniye Peruna: (Stanovleniye khristianstva na Rusi)* [The fall of Perun: (The formation of Christianity in Russia)]. Moscow: Molodaya gvardiya.
16. Vagner, G.K. (1993) *Iskusstvo Drevney Rusi* [The Art of Ancient Russia]. Moscow: Iskusstvo.
17. Naumova, N.V. & Glushak, A.S. (2016) The Baptism of Rus: Historical Discourse. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya – Paradigms of History and Social Development*. 4. pp. 43–49. (In Russian).
18. Naumova, N.V. & Glushak, A.S. (2016) Slavic spirituality in the context of the eastern and western ideological paradigms. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 9. pp. 1245–1252. (In Russian). DOI: 10.7256/1999-2793.2016.9.17081
19. Kozlov, M.N. (2016) Pozdnie yazychniki Drevney Rusi [Late Gentiles of Ancient Russia]. *GENESIS: Istoricheskie issledovaniya – GENESIS: Historical Researches*. 5. pp. 205–215. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.19338
20. Zhirtueva, N.S. (2015) Modifikatsii vizantiyskogo isikhazma v kul'ture Kievskoy Rusi, Moskovskoy Rusi i Kryma [Modifications of Byzantine Hesychasm in the culture of Kievan Rus, Moscow Rus and Crimea]. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 6. pp. 843–852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070
21. Kolesov, M.S. (1994) Krym v kontekste mirovoy kul'tury [Crimea in the context of world culture]. *Berega Tavriды*. 6. pp. 190–214.